

Litera

Правильная ссылка на статью:

Демидов Н.М. Пре-пост эффект/парадокс: теоретическое осмысление термина и перспективы его использования в литературоведении // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71327 EDN: TTXBBS
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71327

Пре-пост эффект/парадокс: теоретическое осмысление термина и перспективы его использования в литературоведении

Демидов Никита Михайлович

ORCID: 0000-0001-8336-4333

аспирант, кафедра теории литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

123181, Россия, г. Москва, ул. Исаковского, 28к2, кв. 574

✉ josefkessler.vonwissenstein@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71327

EDN:

TTXBBS

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2024

Дата публикации:

26-07-2024

Аннотация: В статье рассматривается проблема использования и включения термина «пре-пост эффект/парадокс» («пре-пост эффект»), введенного чешским компаративистом Иво Поспишилом, в терминологический аппарат литературоведения. Особое внимание уделяется отражению термином синтеза поверхностного заимствования определенного явления из иностранной литературы и элементов автохтонной традиции с опорой на междисциплинарную базу, где фактор заимствования лежит на пересечении как филологии, так и других гуманитарных наук, в частности социологии, истории, где ярким образом проявляется связь языка, текста и культуры, в результате чего формируется самобытная характеристика литературы-реципиента. Термин, отражающий эволюционный механизм подобного масштаба, нуждается в дополнительном комментарии и осмыслении

при обязательной опоре на труды его создателя с учётом доработки некоторых аспектов механизма его работы. Используется дескриптивный подход в части представления пре-пост эффекта как многоаспектного явления и уточнения взаимосвязи отдельных компонентов для определения точных семасиологических границ термина; отношение понятия к изучению художественного текста в контексте его общей культурной обусловленности в аспекте поэтического искусства слова отражает когнитивный (автор, текст, внетекстовая действительность) и аксиологический подход. По мнению автора, для успешного внедрения пре-пост эффекта существует необходимость определять его роль как синтез двух подходов к рассмотрению литературного произведения: сравнительно-исторического и теоретико-ценностного, что способствует точному рассмотрению истории восприятия произведения и включения его в литературный канон как свидетельства оригинальности данной литературной традиции. Подобный подход учитывает связанный с литературно-критической историей произведений теоретический аспект модификации жанровых моделей и объединяет их с целью обосновать специфику литературного явления, опираясь одновременно на проблемы поэтики и факторы внетекстуальные. Научная новизна состоит в доработке структурно-функциональной специфики пре-пост эффекта для включения его в широкий научный оборот и возможности практического его использования с предварительным устранением имеющихся спорных моментов и, как следствие, демонстрации возможности с его помощью последовательно придерживаться междисциплинарного аспекта (на стыке компаративистики, теории и истории литературы в их связи с аксиологией) при дальнейшей интерпретации литературных произведений дабы преодолеть односторонность анализа в литературоведческих исследованиях.

Ключевые слова:

пре-пост эффект, ареальные исследования, аксиология, литературный канон, мировая литература, литературный факт, компаративистика, автохтонность, рецепция, поэтика

Литературный процесс как комплексное явление рассматривается в науке сразу с нескольких точек зрения, и желательно, чтобы промежуточные выводы в рамках литературоведческих дисциплин образовывали синтез научного знания, которое могло бы послужить точным описанием литературной панорамы того или иного масштаба и исторического периода. Вопросы литературной эволюции традиционно находятся в ведении жанрологии, компаративистики и тесного взаимодействия истории литературы и теории литературы. Последняя должна давать обоснование явлениям в истории литературы, подвергая анализу, в том числе, литературную критику, которая нередко выступает как реакция на термин или явление в момент его расцвета или зарождения (как, например, понятие «диалектика души», введенное в русскую критику Н. Г. Чернышевским и впоследствии подвергнувшееся серьезному научному осмыслению). Существует потребность, при всем различии методологий этих дисциплин, прийти к некоторым универсалиям, которые бы если и не указывали на устойчивые и характерные признаки литературной эволюции одновременно на теоретическом и сравнительно-историческом уровне, но хотя бы отражали некоторые нетипичные случаи развития литературы на междисциплинарном уровне, которые вызывают наибольшие трудности в науке. Одной из самых успешных таких попыток может быть назван термин пре-пост эффект/парадокс, введенный в литературоведение чешским учёным Иво Поспишилом, но ещё не вошедший в общетеоретическую базу; ознакомимся с термином и изучим его содержание и перспективы взаимодействия со связанными понятиями теоретико-

литературного аппарата.

Предварительно пре-пост эффект можно определить как сложный процесс становления литературных произведений на стыке родной и чужой художественных традиций, когда литература-реципиент при заимствовании тех или иных художественных приемов «литературы-донора» усваивает их поверхностно, не в полном объеме, при этом образуя интересный синтез такого неглубокого заимствования с автохтонной для принимающей литературы традицией. В качестве примера можно указать на элементы сентиментализма в раннем творчестве Достоевского («Бедные люди»), барокко в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» у Гоголя (как справедливо замечает исследователь в одной из своих работ, это 1830-е годы — барокко как жанр уже принадлежит прошлому) [\[16, s. 61\]](#) и многие другие. Поспишил развивал свою концепцию на базе русских и славянских литератур в их взаимодействии между собой на фоне общеевропейского литературного пространства, что в целом отражает вектор научных интересов ученого — он последовательно использует термин для постулирования уникальности как русской, так и других славянских литератур, не употребляя его в контексте других литературных традиций. Означает ли это то, что применение понятия не только ограничено географией художественного творчества, но и не претендует на автономию как отдельного теоретико-литературного понятия, а описываемый им процесс указывает лишь на специфику славянской литературы? Попробуем доказать, что механизм, заложенный в основание пре-пост эффекта, все же реализуем как самостоятельный инструмент. Рассмотрим то, как ученый понимает историю литературы и компаративистику — без этого трудно описать пре-пост эффект как термин, находящийся на стыке сразу нескольких литературоведческих дисциплин, и сделаем свои предположения о перспективах термина в научной базе литературоведения.

Иво Поспишил в своих работах говорит как об истории литературы, так и теории истории литературы; необходимость теоретизирования хронологии литературного развития ученый связывает с ее априорно междисциплинарной спецификой. Так, в 1 главе своего фундаментального труда «K teorii ruské literatury a jejím souvislostem» под названием «Problém teorie literárních dějin a jeho interdisciplinární souvislosti: prostorovost/spaciálnost/areálovost» в самом названии отражены пространственность, специфика и ареальность литературного творчества славянских стран, непосредственно являющиеся ключевыми параметрами их развития [\[14\]](#). Выбор именно этих характеристик не случаен: достаточно вспомнить таких ученых прошлого, как Франк Воллман, Павел Йозеф Шафарик и Йозеф Добровский — патриархов славистики, отличительной чертой трудов которых является комплексный филолого-культурологический взгляд на литературный процесс как таковой и понимание языка и литературы как целого (язык как материал, а литература — как его реализация), при котором рамки научного исследования не ограничиваются собственно текстом художественного произведения. Сама идея, таким образом, не нова, но необходимость в её «ренессансе» совпадает с интенсивным развитием и усложнением отдельных литературоведческих дисциплин, в особенности компаративистики. Морфологический подход в истории литературы (сугубо текстовый, поэтологический) полезен и отражает имманентную структуру текста, но для его глубокого познания важно не только активное использование достижений таких методологических направлений, как формализм, структурализм, постструктурализм и проч., но и укрепление общего культурологического контекста как понятия более широкого, вмещающего в себя литературный процесс, за счет близких гуманитарных наук, прежде всего истории и социологии. Оригинальность подхода Поспишила заключается в том, что «методологический сдвиг» чешского ученого априорно не представляет историю литературы в отрыве от компаративистики, более того — проблемы сравнительного

литературоведения с его точки зрения носят фундаментальный теоретический характер, и от их разрешения зависят ключевые положения историко-литературного процесса. Ученый последовательно выделяет внешний круг компаративистики, связанный с ареалом и «пространственностью» (внешними связями литератур и их взаимодействием; указанная нами «поддержка» со стороны других дисциплин осуществляется как раз на этом уровне), и внутренний, отвечающий за развитие жанра (генеология как отдельная дисциплина, изучающая становление, развитие и модификацию жанрового сознания в историческом ракурсе). Такое широкое понимание компаративистики является характерной чертой ученого, хотя первые трудности возникают уже на этапе включения ареальных исследований в зону задач сравнительного литературоведения. Комментируя неприятие некоторыми филологами в начале XXI в. ареальных исследований, Поспишил признает, что «можно увидеть две причины: с одной стороны, интуитивное ощущение, что это что-то новое, имеющее перспективу и шанс поглотить или затмить традиционалистские исследования, с другой стороны — скорее в исключительных случаях — также серьезный страх потерять “ремесло”, само филологическое ядро» [14]. Ареал представляет собой масштабные природные, политические или общественные пространства на базе пространства географического, которые находятся в ведении, кроме указанных нами социологии и истории, также политологии, философии, психологии и других гуманитарных наук, являющихся особой сферой применения языка. Подчеркивается важное значение языка и текстов как исходного звена такой сложной интеграции. Чешский русист призывает к исследованию языка и литературы как связанного целого во всех сферах их применения, признавая, что цельность и структурность таких исследований пока вызывает сомнения, но такой подход необходим уже сейчас. Возникает вопрос: что, кроме уточнения литературно-языковых и культурологических реалий, помогающих прояснить отдельные этапы развития литературы в тот или иной период, дает само понятие ареала и его исследование? Ученый дает ответ: «преодоление имманентной замкнутости филологии, а с другой стороны — постепенное соединение языкознания и литературоведения как уже разобщенных частей первоначального филологического единства». Можно сказать, что такой синкретизм лингвистики и науки о литературе (на него делал упор и упомянутый нами предшественник И. Поспишила, Франк Воллман, который в своих исследованиях славянских литератур выходил далеко за пределы филологии) неминуемо включает в себе синхронический и диахронический аспект с целью установить специфику текста на фоне обширной историко-литературной панорамы, и аспект ареальный предполагает учитывать все внетекстовые реалии, которые имеют вспомогательное значение и оказывают влияние на восприятие и экзистенцию литературного текста в пространстве и времени. Принимая во внимание, что пре-пост эффект/парадокс реагирует на определенное явление в неродной литературе и одновременно вводит его в автохтонную, сообщая толчок ее дальнейшему развитию, можно согласиться с ученым в том, что такое явление должно одновременно иметь отношение как к сравнительному аспекту, так и историческому. Верно и то, что для нормального функционирования термина сначала нужно выстроить такую концепцию литературного развития, которая бы идеально, в равной степени подробно отражала стадийность этого процесса наряду с феноменом междисциплинарных связей, которые осложняются как раз высокой концентрацией факторов внефилологических. На наш взгляд, ареальные исследования только нащупывают свой предмет ввиду своей молодости как автономной области научного знания, что подтверждает и Поспишил: «негативная оценка ареальных исследований обычно связана с тем, что они могут оказаться новой уже упомянутой “мусорной корзиной”, т.е. областью, где все можно свести воедино, не приходя к каким-либо новым знаниям — эта область не имеет границ и собственного предмета

исследования. В этом нет ничего удивительного, потому что новые или старые дисциплины ищут свои границы и определения "на ходу"» [14, s. 47]. С целью решить данную проблему критически важно, на наш взгляд, установить некоторую иерархию внелитературных фактов по отношению к тексту произведения с целью упорядочить их иерархию, где важнейшую роль будут играть факторы этические и эстетические, теснее прочих взаимодействующих с литературным источником как искусством слова. Ареальные исследования включают в себя категорию пространственности, междисциплинарный аспект и историю литературы — и помимо перегруженности сферами исследования не могут похвастаться очевидностью отношений между ними, что отражается и на уточнении семасеологических границ термина «ареал». Так, сразу встает вопрос о соотношении истории литературы и культурного диалога между странами, сложных и противоречивых взаимодействиях отдельных социальных наук и филологии, проблеме конкретного ареала и художественного мира в них, связанной с образом чужого в родной культуре (имагология) и т.д. Представляется более логичным шагом не расширять границы филологии, к чему тяготеет Поспишил, а задействовать тот или иной инструмент компаративистики исходя из конкретных задач, что справедливо и для пре-пост эффекта.

При всей слабой структурированности ареальных исследований как отдельной дисциплины в рассуждениях Поспишила о культурологическом единстве литературы, языка и вспомогательных областей гуманитарного знания есть здоровое зерно: аксиологический аспект при таком широком подходе предстает в более определенном научном освещении, не ограничиваясь собственно литературной критикой. Поясню: для пре-пост эффекта/парадокса ключевым аспектом является, как мы уже отметили, реакция на западные литературные образцы — причем образцы в самом общем виде. Чаще всего в их роли выступают явления, отражающие более-менее крупные теоретико-литературные понятия, такие как жанр и направление. Комментируя внешний подход к изучению литературы, великий компаративист Рене Уэллек отмечал, что при всем многообразии подходов к определению специфики духовной деятельности, влияющей на функционирование литературного произведения (биография и психология творца, социальная и политическая ситуация, «дух времени»), они неоправданно детерминированы (что резко расходится с концепцией Поспишила, у которого, как мы показали, внешние культурологические и экстралитературные факторы очень важны и представляют собой плавильный котел, где учитывается не только одна сфера бытования литературного текста), и, что важно, «совокупность культурных устремлений человека должна быть понята как целостная система саморазвивающихся последовательностей, причем каждая из последовательностей обладает собственными нормами, отнюдь не обязательно идентичными нормам другой последовательности, даже близлежащей» [11]. В отличие от Уэллека Поспишил занимает менее компромиссную позицию касательно соотношения литературных и внелитературных факторов и классифицирует их исходя не из методов (биографический, фрейдистский, психологический и проч.), а из потенциальной непредсказуемости ареала, его подвижной культурологической наполненности. Признание сложности внетекстовой среды затрудняет выделить классификацию элементов, однако Поспишил находит свой способ увязать «внешнее» непосредственно с литературным творчеством.

Говоря о сравнительно-историческом значении истории литературы (теория истории литературы), следует заострить внимание на важнейшей проблеме, которую должен разрешить исследователь: что именно включать в историю литературы, какие явления каноничны, магистральны, а какие — нет? Поспишил пишет: «это — решающий момент, где сходятся воедино литературоведческая методология, теория литературы, история

литературы и, конечно, литературная критика, но только одна из этих дисциплин является аксиологической» [14, s. 50]. Аксиологический аспект, по его признанию, остается недооценен, несмотря на современные попытки актуализации, в том числе на базе философско-культурологического подхода к изучению типов ментальностей и духовно-ценностного восприятия художественного творчества [6]. Между тем для понимания механизма пре-пост эффекта аксиология представляет большую важность, актуализируя, как мы отмечали выше, категории эстетического и этического как важные маркеры специфики литературного явления, на обоснование которой и направлен — со сравнительно-исторической и теоретико-литературной точки зрения — пре-пост эффект. Прежде всего, аксиологический аспект вырывается за пределы имманентных литературоведческих методов, которые излишне сосредоточены на структуре текста и не уделяют внимание важным внетекстовым явлениям действительности, в пространстве которых текст функционирует (как наиболее очевидный пример — формальный метод в русском литературоведении). Сам по себе аксиологический контекст связан далеко не только с реагированием литературной критики на творчество писателя (при всей ее важности) — не случайно в попытке обобщить «аксиологическую ось» определенной эпохи в западной русистике используется термин «теория истории литературы» как попытка охарактеризовать изучение литературной традиции как суммы наивысших достижений в области художественного творчества. Речь должна идти о литературном каноне, но не в изоляции, а с культурно-пространственной точки зрения (ареальной), а также в эстетическом и социальном измерении, что подчеркивают и другие современные работы [9]. В контексте пре-пост эффекта это наблюдение интересно прежде всего тем, что реагирует на определенные жанровые явления иностранной литературы именно канон в целом, который формируется стихийно и непредсказуемо в силу аналогичной характеристики литературного процесса. Базой пре-пост эффекта является заимствование на уровне литературного направления или жанра, которое магистральная, каноническая линия развития литературы усваивает как обладающее значительным статусом — иначе сам разговор о концепте влияния будет бессмысленным, но при этом сфера применения термина не простирается дальше общих изменений в литературном процессе, и вопросы индивидуальных поэтик отдельных авторов должны быть, по логике раскрытия термина, сопоставлены с историко-литературным контекстом в целом, где соотнесение чужой и отечественной модели в пользу последней и есть сущность этого необычного термина.

Рассматриваемый нами термин состоит из пре- и пост-стадии. Описание механизма их работы связано с некоторыми трудностями. Как мы уже писали, пре-пост эффект изначально задумывался для обоснования специфики русской литературы (также и славянских, но у Поспишила это выражено декларативно). Само поверхностное восприятие поэтик иностранных литератур можно отсчитывать с XVIII в.: «Русская литература принимала импульсы поэтик “сильной” европейской литературы преимущественно с XVIII в. в несколько волн: это вносит определенные коррективы в теорию о том, что одного русского XVIII в., который считается кузницей русской литературы, было достаточно, чтобы основательно впитать эти импульсы» [14, s. 96]. Перед исследователем возникают две задачи: установить, в какой момент литературной эволюции срабатывает исследуемый эффект, а уже потом — выяснить, что конкретно отвечает за реализацию такого специфического вида заимствования. При всей важности литературных направлений и жанров как сложных структурных единиц, которые первыми усваивают поэтологические элементы чужих литератур, участвуя в «пре-стадии», излишняя схематизация этих фундаментальных теоретико-литературных понятий грозит стандартизацией тех явлений в литературе, которые признаны уникальными,

выдающимися: так, ученый справедливо указывает, что Пушкина нельзя связывать исключительно с романтизмом, Маяковского с футуризмом и т.д. Подобные теоретические построения, действительно, говорят не просто об упрощении представления творческого пути отдельно взятого писателя, а об игнорировании эволюционной специфики литературы, достигнутой за счет действия пре-пост эффекта/парадокса. Особенностью термина является то, что он отражает характерный эволюционный процесс с видимой опорой на его магистральные фигуры, сразу объединяя в себе эволюцию литературы в целом и акцентуацию развития творческих стратегий отдельных авторов — тех, что составляют литературный канон литературы-реципиента. Немаловажно, на наш взгляд, здесь то, что подобная описательная стратегия сильно помогает исследователю ориентироваться в неизбежных, с течением времени, новых интерпретациях примечательных литературных явлений, в том числе довольно оригинальных, позволяя исследователю возвращаться к объективным обстоятельствам истории и критического восприятия того или иного литературного источника. Например, исследование творчества Гоголя как писателя, предвосхитившего поэтику авангарда, в особенности абсурдизма, довольно продуктивно и позволяет взглянуть на поэтику произведения под другим углом, но сохраняется также и опасность перекоса в сторону внеисторического дискурса, не учитывающего автохтонные корни творчества писателя. Добавим также следующее: ни один канон не может быть установлен исключительно представителями национальных литератур данной зоны, в том числе в случае более традиционной, «чистой эволюции», когда поэтика чужой литературы является образцом для подражания без последующей творческой трансформации и о пре-пост эффекте говорить не приходится. На пост-стадии получается самобытное произведение, которое с очень высокой долей вероятности войдет в состав литературного канона, и важную роль в этом играют привнесенные элементы.

Универсальной закономерности для успешной «интеракции» родного и чужого, к сожалению, учёный не формулирует, нередко ограничиваясь отсылкой к биографическому контексту автора или его включенности в широкий историко-культурологический контекст. Во многом это связано с недостаточной теоретической разработкой аксиологии художественного произведения на более локальном уровне, на уровне принимающей автохтонной традиции. Как это исправить? Нам представляется, что «импульсы» чужой литературы своему поверхностному усвоению обязаны особым поведением как множества внелитературных факторов (прежде всего ареалу по определению Поспишила), так и более узкому обозначению нефикциональной реальности, окружающей то или иное значимое для определенной эпохи художественное произведение или жанр — литературному факту. В литературоведении он обстоятельно рассмотрен ещё Тыняновым, который писал, что «в литературе существуют явления разных пластов; в этом смысле нет полной смены одного литературного течения другим. Но эта смена есть в другом смысле — сменяются главенствующие течения, главенствующие жанры» [\[10\]](#). Несмотря на то, что русский ученый писал о литературном факте применительно к внутренней эволюции литературы, непосредственно в рамках автохтонной традиции, подразумевая сложный момент эволюционной смены, когда тот или иной жанр выдвигается из центра в периферию или наоборот, его наблюдения важны для представления о пре-стадии пре/пост эффекта как о промежуточном этапе между заимствованием элементов поэтик иностранных литератур и бытованием их в определенном статусе в заимствующей эти элементы литературе; иными словами, когда явление только входит в моду. При удачном срабатывании пре-стадии чужеродный литературный феномен отдает себя на произвол оценке, подчиненной исторической проекции и внелитературным факторам – и такие факторы, по Тынянову, лежат в сфере

быта: «художественный быт» поэтому, по функциональной роли в нем искусства, нечто отличное от искусства, но по форме явлений они соприкасаются. Разный метод обращения с одними и теми же явлениями способствует разному отбору этих явлений, а поэтому и самые формы художественного быта отличны от искусства» [10, с. 264]. Перед нами аксиологический аспект восприятия литературных явлений в национальной традиции, оказывающий решающее воздействие на непредсказуемость литературного процесса, генерализацию, канонизацию или же, напротив, забвение литературных явлений — в случае и Поспишила, и Тынянова систем крупных, как жанры и направления. Интересно, что Тынянов, в отличие от своего чешского коллеги использующий имманентный метод, — формалистский, буквально противоположный, — придает такую же важность внетекстовой реальности, пространственно-временным трансформациям культуры, однако для русского ученого больше важен ее локальный, даже камерный аспект. Характерен известный пример с эпистолярным жанром, зиждящимся на интимной, дружеской переписке и являющийся литературным фактом, обладающим литературностью, ценностью в зависимости от особенностей восприятия его в конкретную эпоху; эти особенности непосредственно связаны со сферой быта, где и имеет обращение письмо. Конечно, из факта быта и примыкающей к нему личной жизни писателя факт литературный может и не сформироваться, но в случае удачного формирования жанра или направления такая локальная среда всегда обладает определенным решающим влиянием. Тынянов предостерегает от неаккуратного использования психологического или автобиографического метода в литературоведении в связи с соблазном преувеличить значение этих внетекстовых факторов. Помимо того, что это предостережение не стоит понимать как недоверие к указанным методам, здесь важно пространственно-временное представление о литературной индивидуальности на фоне смены и эволюции жанров и направлений — а не отдельное изучение литературной индивидуальности или вообще личности автора (об опасности смешений этих двух понятий Тынянов также предупреждает). Выдающийся формалист пишет о явлениях, уже находящихся в лоне русского литературного процесса и подчиняющихся его закономерностям, пусть и с трудом поддающихся определению. Концепция Поспишила при этом от тыняновской отличается уровнем обобщения: для него важны не просто внетекстовые факторы, которые более-менее отчетливо можно охарактеризовать как условия формирования литературного факта, но даже факторы внефилологические; вопросы литературной эволюции для него лежат не просто в сложной борьбе разных тенденций, как у Тынянова, а в русле ареально понимаемой жанрологии [13]. Компаративистский аспект здесь естественен в связи с рассмотрением русской литературы как сложной системы в окружении других (взаимодействующих с ней иностранных литератур). На наш взгляд, теоретическое обоснование пре-стадии можно было бы подкрепить тем, что взгляды на литературную эволюцию Поспишила и Тынянова не являются взаимоисключающими, а, напротив, дополняют друг друга в линейной последовательности. «Трансфером» и, соответственно, ядром пре-стадии будет являться аксиологический аспект, непредсказуемый, но полноценно присутствующий как на стадии реакции на определенное явление и его заимствования, так и аккомодации в литературе-реципиенте и дальнейшей судьбы в рамках этой новой литературной традиции. С целью создания четких и, насколько это возможно, регламентированных теоретических оснований для практической реализации пре/пост-эффекта в качестве инструмента литературоведческого анализа мы бы предложили ограничить узус термина прежде всего рамками традиционного компаративистского метода с акцентом на автохтонность/аллохтонность явлений, рассматриваемых в русле аксиологического подхода. В этой связи ареальные исследования как достаточно неопределенная по части объекта изучения дисциплина в настоящий момент, на наш взгляд, ещё нуждается в

дополнительном ряде апробаций и систематизации, а потому круг явлений, не относящихся к самому литературному артефакту, стоит по возможности сузить, опираясь на понятие литературного факта как область приложения аксиологического. Широкий пласт литературных фактов и трансформация литературных моделей как база для объяснения специфики конкретного явления, таким образом, будет сопутствовать логике рассмотрения именно аксиологического аспекта. Последний необходимо представлять и раскрывать таким образом, чтобы рассмотрение ценностной структуры артефакта не мыслилось в отрыве, с одной стороны, от философско-эстетического осмысления художественной ценности, а с другой — от строго литературоведческого подхода, объединяя, таким образом, как минимум два вида анализа художественной структуры произведения: собственно аналитическую работу по рассмотрению необходимых внелитературных факторов (социальный, культурологический и иные контексты) и последующий имманентный анализ художественной структуры произведения с целью актуализации внешнего и внутреннего контура интерпретации произведения. Роль пре-пост эффекта применительно к данному процессу можно охарактеризовать как вспомогательную, позволяющую отбирать ключевые параметры аксиологического рассмотрения, которые ярко проявляют себя именно в процессе исторического взаимодействия автохтонной литературы с чужими. Задача исследователя должна заключаться в том, чтобы обнаружить следы жанровой трансформации под результатом пре-пост эффекта и рассматривать признаки такой трансформации как маркер зарождения аксиологической целостности артефакта (который неизменно присутствует в окружении других факторов). Пре-пост эффект, таким образом, укрепляет аналитический подход к аксиологии, стимулирует более последовательное постижение истории восприятия литературного произведения. Так, пре-пост эффект представляет критическое восприятие текста в тесной связи с историей трансформации жанровой модели, отражающей специфику данного воспроизведения и являющейся «триггером» критического восприятия соответственно. Например, показательным в отношении «Шинели» Гоголя является то, что сама повесть является результатом необычной трансформации инолитературных жанровых свойств, а именно французского физиологического очерка и немецкой (гофмановской) романтической традиции; генетическая связь с ними сохраняется, но при этом переосмысливается сам образ маленького человека, ценностное отношение к нему уже иное. Можно сказать, что сама поверхностная реакция на элементы поэтики иностранных литератур и их модификация способствовала выделению «Шинели» из множества повестей о бедном чиновнике, созданных в рамках натуральной школы, и привлекла внимание Хомякова, Шевырева, а за ним и Аксакова (в рамках полемики о романе «Бедные люди» Достоевского, где критик противопоставляет оригинальность «Шинели» «тенденциозности» романа). Запускается целый процесс, где существенное значение для включения произведения в литературный канон приобретает как его критическая историия («внешняя» аксиология), так и ценностное осмысление автором собственного произведения (аксиология внутренняя). Последнее связано с тем, что модификация автором жанра как часть писательской стратегии при работе над произведением — это непременно явление аксиологическое: так, мотивы душевных страданий главного героя в поэме «Цыгане» Пушкина усложняют привычный конфликт цивилизации и природы, отражающей естественность и гармонию, перерастая в боязнь потерять равновесие духовное, опору чувствам в окружающем мире; подобный акцент усложняет традиционную романтическую схему, тяготея к реалистической попытке анализа колебаний героя и отклоняясь при этом от европейской романтической традиции — она уже сыграла свою роль и жанровые «отклонения» или колебания происходят уже в рамках русской литературы.

В том случае, если мы вслед за Поспишилом придерживаемся концепции синтеза

филологических и социальных наук, следует считать, что проблема автохтонного и чужого в русской литературе также должна решаться в масштабном подходе, соединяющем политические, экономические, культурные и другие исследования с учетом их языкового и текстуального базиса; однако стоит отметить, что сама эта основа идеологически гибка и трудно фиксируема как постоянная величина с самых ранних пор развития русской литературы — с древнерусского периода. Эта идеологическая пластичность прослеживается вплоть до XX в., постоянно подвергается трансформациям, но борьба своего и чужого как фундаментальная характеристика развития русской литературы существовала всегда; по мнению И. Поспишила, столкновение их было выразительнее, чем в литературах Европы. Истоки этой борьбы следует искать на этапе начала возникновения письменности на Руси, появления первых текстов и явления диглоссии. Главная проблема заключается в прерывистом развитии и особой жанровой характеристике древнерусской литературы, на что обращал внимание еще Д. С. Лихачев при анализе «Слова о полку Игореве», обосновывая роль «Слова» как центрального текста этого периода [\[8\]](#). Поспишил вслед за русским ученым «Слово» интересно прежде всего как наиболее очевидный элемент эволюционного процесса, ярко выделяющийся из массы других светских и церковных текстов и своей самобытностью задающий тон преемственности, в том числе поэтологической и жанрологической. Стремление чешского ученого обязательно учитывать внефилологические факторы органично сочетается с многоаспектным изучением древнерусской литературы, подразумевающим изучение территориальных вопросов, исторических перипетий и вопросов культурной идентичности наряду с вопросами текстологическими, лингвистическими. То, что для литературоведения до сих пор представляет известную трудность — периодизация древнерусской литературы и ее целостность — для Поспишила соединяется с вопросом об идентичности литературы и ее отношении к европейским средневековым моделям; а как мы помним, потребность в термине «пре/пост эффект» и возникает с целью пояснить специфику заимствования в междисциплинарном диалоге и его поверхностное отражение в эволюционной парадигме принимающей литературы. К сожалению, ученому не получается в полной мере увязать разнородность внетекстовых контекстов с механизмом работы пре-пост эффекта, но, невзирая на это, пре-пост эффект представляется инструментом, позволяющим сосредоточиться на проблеме, когда элементы аллохтонных моделей в русской литературе находят (рококо, барокко), но не всегда успешно объясняют их «внедрение» в специфическую модель древнерусской литературы, хотя и элементы, привнесенные «извне» (например, романтический аспект безумия в русской литературе), нередко сами нуждаются в уточнении.

Что показывает пример выше? Постоянные переходы Поспишила от специфики национальной литературы, рассмотренной генетически подробно, начиная с древнерусского периода, к ее встроенности в более глобальный контекст далеки от строгой систематизации, но, что показательно, сами являются следствием продуктивной методологической традиции, начало которой заложено было еще Д. Дюришиным. Словацкий компаративист не только обозначил проблему изоляционизма и ограничения исследовательской работы при изучении художественных произведений, когда база для изучения ограничивается лишь конкретной анализируемой литературой — эта мысль была нова лишь в рамках славистики — но подчеркнул, что без спаянности историко-литературного подхода с компаративистским страдает прежде всего литературный факт. Литературный факт Дюришин понимает как в тыняновском смысле, так и в более широком, утверждая, что связь между отдельным и всеобщим в литературе нельзя игнорировать; понятие национальной литературы немыслимо без концепта мировой

литературы как всестороннего и универсального явления [5, с. 7], вне зависимости от большого количества современных интерпретаций гетевских тезисов подразумевающего опору на широкий пласт культурологических и социально-исторических наблюдений [12]. Это наблюдение позволяет нам снять сомнение, касающееся возможности применения термина «пре-пост эффект/парадокс» вне контекста славянских литератур и говорит в пользу его эффективных инструментальных возможностей. Когда мы говорим о проблематике отдельно взятой литературы, в ходе междисциплинарного контакта реагирующей на специфику заимствуемых элементов, мы углубляем анализ прежде всего контактно-генетической сферы бытования литературных явлений, однако появляется нежелательный уклон в сторону диахронизма, где преемственность литературных явлений возводится в абсолют. Типологический аспект же, наиболее полным теоретическим обоснованием которого мы обязаны В. М. Жирмунскому, помогает систематизировать аналогии и схожие явления в мировом литературном процессе исходя из общих закономерностей теории литературы — и помогает выяснить, насколько отчетливо материалы, накопленные при генетико-контактных исследованиях, свидетельствуют о повторяемости определенного литературного явления, является ли оно вариантом другого [7]. На масштабном фоне филологических и общегуманитарных факторов, важных для функционирования литературных текстов, где литературы взаимодействуют друг с другом, пре-пост эффект в своей пре-стадии представляет непосредственно стадию заимствования; история развития крупных жанровых категорий (того же романа) априори интернациональна, и трудно в рамках изучения, например, истории развития русского романа ограничиваться историей исключительно русской литературы, что и легло в основу исследований Бахтина о романе [2]. Факт поверхностного заимствования, являющийся отличительной чертой пре-пост эффекта, регулируется пост-стадией: определенное явление, будучи частью литературного факта инациональной литературной традиции, сталкивается с непредсказуемостью собственной адаптации (в силу вышеуказанной непредсказуемости аксиологического аспекта) как части литературного факта уже автохтонной традиции. По замечанию румынского компаративиста А. Дима «соотнесение национальных достижений с инациональными создает условия для более четкого выявления национального своеобразия каждой литературы» [4, с. 191], и тот или иной литературный факт становится интересен с точки зрения типологических связей. Можно говорить о встроенности изучаемого термина в ход межнациональных рецепций художественных произведений — на важность активного взаимного интереса литератур друг к другу в рамках мирового литературного процесса как постулирование специфики каждой из них указывал еще Гете [1]. Приведём в качестве примера ценное отражение пре-пост эффекта на примере русского постмодернизма: важнейшие черты направления (амбивалентность, интертекстуальность, ценностная неопределенность) встречались и до его возникновения в славянских литературах — в частности, в чешской, польской и русской, но именно в русской литературе «встречу» с постмодернизмом подготовил специфически окрашенный феномен безумия, сумасшествия или просто чудачества [15, с. 2]. Расцветом его традиционно считаются 1920–1930-е гг., а именно творчество Платонова, Замятина, Булгакова, хотя истоки прослеживаются еще в творчестве Гоголя. Русский постмодернизм в лице В. Ерофеева и Вл. Сорокина механически «скопировал» основные положения западного варианта постмодернизма, например, смысловую амбивалентность и интертекстуальность, но главным ядром был феномен именно русского сумасшествия, ненормальности, кризис веры и коммуникации, который к концу XX в. проявлялся в том числе в кризисе толстых журналов. Важно, что примеры, представляющие для концепта пре-пост эффекта особую значимость (древнерусский период, вторая половина XIX в.,

русский постмодернизм и проч.), отражают поворотные эпохи литературного процесса, литературные открытия которых и формируют канон и самобытность литературы, в том числе и русской; пре-пост эффект же является термином, который описывает данный процесс — не всегда строго и четко, но вины чешского русиста в этом нет. Как мы считаем, попытка в общих чертах представить механизм становления определенного этапа национальной литературы на базе историко-литературных, компаративистских исследований и определенных отраслей гуманитарного знания удалась.

Так, пре-пост эффект как явление находится на перекрестье компаративистики, истории литературы и теории литературы, которые так или иначе затрагиваются существенным аспектом трансформации — жанровой модификацией произведения, осмысляемым как определённый аксиологический переворот, позволяющий литературному артефакту обрести прочные позиции в литературном каноне национальной традиции и играть важную роль в литературном процессе, в том числе и в мировом. Можно констатировать, что при недостаточном теоретико-литературном представлении пре-пост эффекта/парадокса, которое мы попытались восполнить в настоящей статье, сам термин представляет собой важное открытие, призванное соединить новейшие разработки в области компаративистики с выдающимся ключевыми выводами славистов прошлого (вплоть, как мы упоминали, до XIX в.: Волмана, Добровского и др.): во-первых, баланс литературоведческого и лингвистического метода при анализе литературного произведения, что в XX–XXI вв. вылилось в споры о стилистике литературоведческой и стилистике лингвистической (от Винокура до Тюпы), и во-вторых — важность междисциплинарного аспекта как при изучении литературных произведений, так и отдельных литературоведческих категорий. Пре-пост эффект, как мы считаем, является термином, который должен прочно войти в теоретико-литературный аппарат науки о литературе. Учитывая сложность и многогранность ареала, то есть пространства генетико-контактных связей литератур и многочисленных внефилологических факторов, рассматриваемых в рамках политологии, психологии, социологии и т.д., которые Поспишил совершенно справедливо учитывает, мы бы рекомендовали задействовать термин при изучении переходных этапов в истории литературы и развития творчества отдельных писателей (обязательно связывая их с общим литературным процессом как в рамках автохтонной традиции, так и в рамках мировой литературы, поскольку пре-пост эффект как механизм обслуживает категории, наиболее ярко отражающие ту или иную характеристику национальной литературы, ее своеобразие; принципиально важен сам интерес исследователя к поиску типологических связей с подобными явлениями в других литературах), что позволит в перспективе создать наиболее полную историю литературы изучаемой страны. Пре-пост эффект работает при изучении таких явлений переходного характера как, например, рубеж веков в русской литературе или с точки зрения направления пограничный характер творчества Гоголя, его т.н. предреалистический характер [\[3\]](#), и не имеет силы, когда «импульсы» фазы активного реагирования на чужое и его заимствование при опоре на традиции родной литературы постепенно сходят на нет и литературный факт воспринимается как обыденность. Ключевые точки развития, а не само развитие в целом является областью пре-пост эффекта, и предварительный взгляд историка литературы, по нашему мнению, всегда необходим. Невзирая на некоторые семантические и узуальные сложности термина, при грамотном использовании его ждет счастливая судьба как инструмента, без которого нельзя обойтись при синтезе литературоведческих дисциплин в рамках решения глобальных задач — и не только в рамках славистики, которой посвятил себя его автор.

Библиография

1. Аветисян В. Гете и французская литературная критика начала XIX века: диалог культур // Вопросы литературы, № 6, 1999. С. 129-165.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 447-483.
3. Демидов Н. М., Клинг О. А. Притчевость в произведениях Н.В. Гоголя: особенности авторского воплощения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 28, № 2, 2023. С. 199-209.
<http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-199-209>.
4. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М.: Прогресс, 1977. 227 с.
5. Дюришин Д. Методология изучения межлитературной общности славянских литератур / пер. Л. Широковой // Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. Сборник статей. М.: ИСЛ РАН, 1994. С. 5-22.
6. Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1994. С. 378-383.
7. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: Избранные труды. Л.: Наука, 1979. 493 с.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
9. Пахсарьян Н. Т. Актуальные проблемы современного французского литературоведения // Современная наука о литературе: основные тенденции и проблемы. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 11-45.
10. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255-269.
11. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы / Пер. с англ. А. Зверева, В. Харитонов, И. Ильина. М.: Прогресс, 1978. 328 с.
12. David J. Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale». P.: Les prairies ordinaires, 2011. 306 p.
13. Pospíšil I. Areál a filologická studia. Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 154 s.
14. Pospíšil I. K teorii ruské literatury a jejím souvislostem. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 271 s.
15. Pospíšil I. Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století. Brno: Masarykova univerzita, 1995. 151 s.
16. Pospíšil I. Проблема возникновения и генезиса русского романа // Litteraria humanitas. Západ-Východ: genologické studie. Brno: Ústav slavistiky na filozofické fakultě Masarykovy univerzity, 1995. S. 57-74

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы теоретического порядка важны и актуальны не только для собственно теории литературы, но и истории литературы, а также литературной критики. Статьей ориентированных на расшифровку или введение понятия / категории в массу критических источников не так много. Следовательно, рецензируемый материал по определению привлекает внимание. Работа достаточно содержательна, самостоятельна, конструктивна. Автор ориентирован на объяснение / анализ такого понятия как «пре-пост эффект / парадокс»: «при всем различии методологий этих дисциплин, прийти к некоторым универсалиям, которые бы если и не указывали на устойчивые и характерные признаки литературной эволюции одновременно на теоретическом и сравнительно-

историческом уровне, но хотя бы отражали некоторые нетипичные случаи развития литературы на междисциплинарном уровне, которые вызывают наибольшие трудности в науке. Одной из самых успешных таких попыток может быть назван термин пре-пост эффект/парадокс, введенный в литературоведение чешским учёным Иво Поспишилом, но ещё не вошедший в общетеоретическую базу; ознакомимся с термином и изучим его содержание и перспективы взаимодействия со связанными понятиями теоретико-литературного аппарата». Считаю, что в режиме дискуссии данный термин может быть разобран. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «литературный процесс как комплексное явление рассматривается в науке сразу с нескольких точек зрения, и желательно, чтобы промежуточные выводы в рамках литературоведческих дисциплин образовывали синтез научного знания, которое могло бы послужить точным описанием литературной панорамы того или иного масштаба и исторического периода. Вопросы литературной эволюции традиционно находятся в ведении жанрологии, компаративистики и тесного взаимодействия истории литературы и теории литературы», или «морфологический подход в истории литературы (сугубо текстовый, поэтологический) полезен и отражает имманентную структуру текста, но для его глубокого познания важно не только активное использование достижений таких методологических направлений, как формализм, структурализм, постструктурализм и проч., но и укрепление общего культурологического контекста как понятия более широкого, вмещающего в себя литературный процесс, за счет близких гуманитарных наук, прежде всего истории и социологии» и т.д. Статья логически выстроена, определенная позиция исследователя объективна, прозрачна. Серьезных фактических неточностей не выявлено. Вполне удачно выстраивается в работе диалог с оппонентами: «Возникает вопрос: что, кроме уточнения литературно-языковых и культурологических реалий, помогающих прояснить отдельные этапы развития литературы в тот или иной период, дает само понятие ареала и его исследование? Ученый дает ответ: «преодоление имманентной замкнутости филологии, а с другой стороны — постепенное соединение языкознания и литературоведения как уже разобщенных частей первоначального филологического единства». Это, на мой взгляд, придает тексту конструктивности. Цитации по ходу работы вводятся верно: например, «Говоря о сравнительно-историческом значении истории литературы (теория истории литературы), следует заострить внимание на важнейшей проблеме, которую должен разрешить исследователь: что именно включать в историю литературы, какие явления каноничны, магистральны, а какие — нет? Поспишил пишет: «это — решающий момент, где сходятся воедино литературоведческая методология, теория литературы, история литературы и, конечно, литературная критика, но только одна из этих дисциплин является аксиологической» [14, s. 50]». Само понятие «пре-пост эффект / парадокс» рассмотрено достаточно, при этом не исключена и иллюстративная стезя: «особенностью термина является то, что он отражает характерный эволюционный процесс с видимой опорой на его магистральные фигуры, сразу объединяя в себе эволюцию литературы в целом и акцентуацию развития творческих стратегий отдельных авторов — тех, что составляют литературный канон литературы-реципиента...» и т.д. Должным отмечу, что работу следует вычитать, есть неточности, опечатки: «Немаловажно, на наш взгляд, здесь то, что подобная описательная стратегия сильно помогает исследователю ориентироваться в неизбежных, с течением времени, новых интерпретациях примечательных литературных явлений...», или «характерен известный пример с эпистолярным жанром, зиждящимся на интимной, дружеской переписке и являющийся литературным фактом, обладающим литературностью, ценностью в зависимости от особенностей восприятия его в конкретную эпоху...» и т.д. К финалу автор приходит к следующим выводам: «так, пре-пост эффект как явление находится на перекрестье

компаративистики, истории литературы и теории литературы, которые так или иначе затрагиваются существенным аспектом трансформации — жанровой модификацией произведения, осмысляемым как определённый аксиологический переворот, позволяющий литературному артефакту обрести прочные позиции в литературном каноне национальной традиции и играть важную роль в литературном процессе, в том числе и в мировом», и «пре-пост эффект работает при изучении таких явлений переходного характера как, например, рубеж веков в русской литературе или с точки зрения направления пограничный характер творчества Гоголя, его т.н. предреалистический характер [3], и не имеет силы, когда «импульсы» фазы активного реагирования на чужое и его заимствование при опоре на традиции родной литературы постепенно сходят на нет и литературный факт воспринимается как обыденность» и т.д. Основные требования издания учтены, формальный грейд выдержан. Считаю, что тема работы как таковая раскрыта, цель достигнута; материал будет интересен и полезен в рамках изучения ряда теоретических (да и практических) дисциплин литературоведческого порядка. Рекомендую статью «Пре-пост эффект/парадокс: теоретическое осмысление термина и перспективы его использования в литературоведении» к публикации в журнале «Litera».